

**ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФИЗМОВ
В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале французского, русского и кабардино-черкесского языков)**

В статье рассматриваются проблемы национальной специфики выбора образного средства, как особого вида номинативной стратегии для вербализации характерологических свойств человека. Анализ проводится на материале зооморфизмов трех разноструктурных языков.

Ключевые слова: культурный код, универсальный код, мировосприятие, дескриптивная номинация, бихевиористский знак, зооморфизм, система символов, хитрый.

F. Guketlova

**ETHNOSPECIFIC QUALITIES OF ZOOMORPHISMS
IN LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS
(based on the French, Russian and Kabardian languages)**

The paper touches upon the nation-related specificity of choosing expressive means as a special kind of the nominative strategy for verbalisation of human characteristic features. The analysis is based on the material of zoomorphisms in the three languages of different structures.

Key words: culture code, universal code, world perception, descriptive nomination, behavioural sign, zoomorphism, system of symbols, cunning.

Зооморфный код культуры, позволяющий выявить систему символов и эталонов национальной культуры, находящихся отражение в ФЕ и в паремиологическом фонде языка, содержит богатый лингвокультуроло-

логический материал, который составляет значительную часть не только национального языкового сознания, но и воплощает в себе весьма самобытные черты культуры народа, выявляя его специфику мировос-

приятия. Животные, втянутые человеком в мир его преобразований, играя важную символическую роль в мифоэпической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека.

Настоящая статья является продолжением ряда авторских публикаций, направленных на изучение зооморфизмов в разноструктурных языках. Материалом анализа в нашей работе стали ФЕ с названиями животных, описывающие ситуации, характерные для человеческого общежития, которые побуждают к размышлениям и выводам моралистического толка и таким образом отражают самобытное восприятие картины мира, существующее у каждого народа. Цель нашей статьи — не только описать и охарактеризовать национальные особенности одной линвокультурной парадигмы в сравнении с другой (или другими), а также проследить возможность последовательного формирования «чувство языка» при обучении неродному языку, понимание связи формы и стоящего за ней содержания, т. е. выявление вещественной коннотации, кроющейся за этим образом, — все это определяет специфику мышления и сознания, помогает проследить причинно-следственные отношения образования зоометафоры и служит, на наш взгляд, прочной основой для процесса формирования линвокультурной компетенции обучаемого. Изучение и сопоставление разных языковых картин мира в лингводидактическом аспекте представляет также несомненный интерес, в частности, для практики преподавания французского языка как иностранного для носителей иного языкового сознания (в данном случае русского и кабардино-черкесского).

Делается попытка выявить, как и с чем человек соотносит «близкие родственные смыслы», наблюдая окружающий его мир. Это задача сложная и одновременно интересная в изучении языка. Эти вопросы ждут своего решения по отношению к отдельно взятому языку и культуре. При решении данной проблемы на основе сопоставления трех разных языков и культур обнаруживается ог-

ромный языковой пласт, допускающий ряд вариативных интерпретации и обладающий особым вербализирующим и номинативным потенциалом. В таком ракурсе зооморфный код культуры не подвергался линвокультурологическому анализу, а что касается кабардино-черкесского языка, то анималистическая лексика впервые становится объектом лингвистического анализа. Фактический материал, взятый из фразеологического словаря кабардино-черкесского языка, а также языковой материал, собранный полевым методом, не дают возможности детального анализа внутренней формы и ее составляющих в каждом отдельном случае, поэтому мы сочли необходимым делать самостоятельно буквальный (дословный) перевод. Мы понимаем, что нельзя ставить знак равенства между дословным переводом и внутренней формой, однако, именно, буквальный перевод более адекватно передает этнокультурные маркеры и особенность семантической структуры языковой единицы.

Анимализмы являются существенным компонентом словарного состава любого языка [2]. Тем не менее следует отметить, что очень многие исследования зоонимной лексики носили ограниченный характер, хотя анималистическая лексика является важной составляющей национальных номинативных стратегий и практически определяет все, что окружает человека, например **неорганический мир**: большая/малая медведица (русск.) — космос/созвездие; жэмбыдзгъэгъу (каб.-черкес.) — букв.: высушенное вымя коровы — порода белого камня с гладкой поверхностью (минералы); кошачий глаз (русск.) — ценный камень из рода опалов; *les mouches blanches* (фр.) — букв.: «белые мухи» — снегопад; собачий холод (русск.) — сильный мороз; петухи поют (русск.) — светает; *dès que les chats seront chassés* — букв.: как только коты пойдут на охоту — ранее утро (природные явления); медвежий угол (русск.) — отдаленное, глухое, малонаселенное место; *paus de loups* (фр.) — букв.: страна волков — «дикий край, медвежий угол»; а также и **органический мир**:

жэмбзэгу (каб.-черкес.) — букв.: язык коро-
вы — подорожник; джэдгын (каб.-черкес.) —
букв.: куриный яд — огородный чабрец; вол-
чьи ягоды (русск.) — кустарник с ядовитой,
мелкой, красной ягодой; заячьи ушки
(русск.) — съедобные грибы; заячье ушко
(русск.) — растение; медвежье ухо (когти) —
(русск.) — растение; вороньи глазки
(русск.) — папоротник, т. е. растительный
мир, виды растений, травы, цветы, грибы и
т. д. Как видно из небольшого перечисления,
это касается и **неорганического**, и **органиче-
ского** мира: погоды, времени суток, расти-
тельного мира, животного мира, напитков,
болезни, продуктов питания и т. д.

О распространенности и некоторой
универсальности ФЕ с зоонимной лекси-
кой свидетельствует тот факт, что практи-
чески во всех языках мира они активно ис-
пользуются в качестве образной характери-
стики человека. ФЕ с названиями живот-
ных, традиционно служит источником ме-
тафорических сочетаний слов и обладают
высоким коннотативным потенциалом.

Нас интересует национальная специфика
выбора образного средства — человека в
аниморфологических единицах, содержа-
щих яркий, характерный, легко переос-
мысливаемый значимый признак поведе-
ния животного. Стереотип-образ отража-
ет какой-нибудь признак, наиболее харак-
терный для данного животного, насекомо-
го или птицы, который легко осмыслива-
ется в сознании говорящих. Наше внима-
ние привлеч тот факт, что зооморфизмы
служат очень часто для определения оце-
ночных свойств человека и его поведения,
вводят в язык непрерывное множество ча-
стнооценочных концептов. Подобные об-
разные метафоры вводят в язык ряд сино-
нимов: *черепаха — медлительный; свинья —
грязный; заяц — трусливый; пчела — трудо-
любивый; осел — упрямый; орел — гордый; со-
бака — злой; лиса — хитрый*. Основанные на
простом сравнении эти фразеологизмы
прозрачны и понятны, хотя часто и неспра-
ведливы. Адыгская (кабардино-черкес-
кая) традиция делит человеческую жизнь

на этапы, прибегая к зооморфизмам: 10
лет — **птица**, 15 — **безнадежный козленок**,
в 20 — **волк**, в 40 — **тигр, лев**, в 60 — мудрый,
уравновешенный, может наставлять чело-
века, 80 — копошен, суетлив, труд его бу-
дет бессмысленным, 100 лет — его голова,
как тухлое яйцо. По мнению Ю.Н. Карау-
лова, такие корни языковой образности
лежат в тезаурусе, в системе знаний, а не в
семантике, как считают многие исследова-
тели этой проблемы. Так, например, зоо-
ним «Змея!» — на вербально-ассоциатив-
ном уровне доступную наблюдению образ-
ность о коварной, холодной, безжалостной
женщине, воспринимается как своеобраз-
ная семантическая конкретция, перепла-
вившая в себе в течение геологических эпох
существования языка само движение мыс-
ли, сам акт познания. И в доказательство
о роли языка в процессе познания мира
Ю. Н. Караулов пишет: «Снимая в образ-
ности слой за слоем, мы констатируем в ней
застывшее гносеологическое усилие, мо-
ментальную фиксацию акта перехода от од-
ного поля в тезаурусе (например, «дикие
животные, опасные») к другому («свойства
человека»). Но для того чтобы такой пере-
ход был возможен и совершился, надо об-
ладать знаниями о том, что змея коварна,
заяц, скажем, труслив, пуглив, имеет обык-
новение спасаться бегством от опасности,
медведь неуклюж, но силен, а голубка не-
жна и безобидна» [1]. Метафорические
трансформации как особый, весьма креа-
тивный вид номинативных стратегий, яв-
ляются построениями вербально-ассоциа-
тивного уровня, отражая сложный комп-
лекс когнитивных процессов в языке.

При сопоставительном изучении зооме-
тафор в трех разноструктурных языках не-
вольно возникает вопрос о специфике фор-
мирования образно-ассоциативного ком-
плекса, лежащего в основе оценочно-экс-
прессивной метафоры, а также о совпадении
(несовпадении) оценочного осмысле-
ния, связанного с культурным и эмоцио-
нально чувственным опытом носителя той
или иной культуры. Любопытно отметить,

что в образных зоометафорах, соотносенных с нерасчлененным аксиологическим концептом — «хорошо» (общая позитивная оценка) или «плохо» (общая негативная оценка) — превалируют отрицательные оценочные значения: для определения своего отрицательного отношения к поведению и характеру человека, а также к малоприятным (чаще неприятным) жизненным ситуациям, в которых он оказывается. И даже в тех случаях, когда фиксируется положительная характеристика, в большинстве случаев она вызывает ироническое отношение. Характерной особенностью зооморфизмов является то, что правила поведения в них выражены не прямо, а опосредованно. А отрицательно-оценочное значение встречается намного чаще, так как через него и фиксируется нарушаемая норма поведения: выделяются типовые стратегии негативной оценки, связанные с умственными способностями, с отношением к труду, к другим людям, к другому этносу, к собственности.

«Ориентированные» на одно и то же реально существующее животное зооморфизмы разных лингвокультур могут представлять нам это животное (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств. И, на наш взгляд, особенно интересно пронаблюдать это «пересечение» в сфере оценок и характеристик, выражаемых единицами языка. Так, например, одним из приближенных к человеку домашних животных является кошка — «**Chat/Chatte**» во французском языке, «**Кот/Кошка**» — в русском языке и «**Джэду**» — в кабардино-черкесском языке. Во многих культурах кошка является символом семейного благополучия, покоя, присутствия чистой силы. И сегодня, построив новый дом или получив новую квартиру, многие люди запускают первой кошку. Какой опыт (общечеловеческий и национальный) закрепился в сознании человека, тысячелетиями проживавшего под одной крышей с кошкой и наблюдавшего за ее поведением, и как этот опыт закрепился в языке? На-

блюдая окружающий мир, как фиксирует человек результаты познания в слове?

Универсальной характеристикой образа **кошки** в сопоставляемых трех лингвокультурах является концепт «**неуживчивости**»: *S'accorder (vivre) comme chien et chat* (фр.) -букв.: ладить (жить) как собака и кот. Сравните в русском: *Жить как кошка с собакой* (постоянно ссориться, не ладить друг с другом). «*Хьэрэ джэдурэ хуэдэу зэррошх (зэ-дэпсоу)*» (каб.-черкес.) — букв.: как собака с кошкой грызутся (живут). Кошка и собака — любимые домашние животные, живут в любви и согласии с человеком. Между собой же они не находят общий язык. Верно ли это утверждение? Практика жизни подтверждает это утверждение. Ученые же объясняют это тем, что кошка с собакой говорят на разных языках жестов: собака поднимает хвост, когда проявляет свои дружеские, миролюбивые намерения, а кошка, напротив, опускает хвост, выражая этим свое расположение. Поняв друг друга кошки и собаки хорошо уживаются в одном доме, в одном дворе. Так и человеку очень важно знать иностранные языки и жесты для того, чтобы понимать людей другой культуры. «**Неуживчивость**» была выявлена в ряде других ФЕ русского, французского и кабардино-черкесского языков. Например: *A bon chat bon rat* -букв.: хорошему коту хорошая крыса. Русск.: Нашла коса на камень. *A mauvais rat faut mauvais chat*-букв.: плохой крысе плохой кот — каждому по заслугам; *Джэдум щигуф Изгьуэм дзыгьуэм и гу-Изгьуэц* (каб.-черкес.:) — букв.: где кошке радость, там мыши — горе; *Джэду здэщымы-эм дзыгьуэ щоджэгу (щоятэ)* (каб.-черкес.:) — букв.: где нет кошки, там мышь играет (резвится) — раздолье без кота, при нем нет жизни и в русском: *(Черная) кошка пробежала между ними — ссора, раздор*, непримиримые разногласия между некогда близкими друзьями, но не по вине, конечно, черной кошки, а из-за того, что не нашлось доброго, *ласкового слова*, которое и *кошке приятно*. *Два кота в одном мешке не улежатся* — два спесивых человека под од-

ной крышей не уживутся. И напротив, во французском языковом сознании: *Fréquenter le chien et le chat* (фр. букв.: навещать часто собаку и кошку) — ладить со всеми, находить общий язык.

Во французском и русском языковых сознаниях образ кошки ассоциируется с «неизвестностью»: *Acheter un chat en poche* — букв.: купить кота в кармане — купить не глядя, неизвестно что, купить за глаза — русск.: *купить кота в мешке*. Такое значение не обнаружено в сознании адыгов (кабардино-черкесский язык).

В русском языке характеристики «спесивый, горделивый» являются национально-специфическими и обнаруживают себя в паремиологическом фонде языка: *Нанала на кошку спесь, не хочет и с печи слезть. Загордился кот и с печи нейдет. Не по курице хода, не по кошке спесь. Кошка, которая гуляет сама по себе* — о спесивом, своевольном, горделивом человеке. Но если ей нужно, она может и *ластиться как кошка*. И лучше «*кошку против шерсти не гладить*», а то она может «*коготки показать*». Во французском языке **Chat — Chatte** обнаруживает характеристику человека **дерзкого**: *Hardi comme un chat maigre* — букв.: смелый, дерзкий как худой кот; *Sage comme le chat au fromage* — букв.: скромный, как кот перед сыром — совсем не **скромный, наглый**, а в кабардино-черкесском языке «**трусливого**»: «*Джэдур дзыгъуэк Iэ лыхъужьщ*» (каб.-черкес. букв.: кошка на мышей храбра). Русск.: «Против овец — молодец, а против молодца — сам овца» — «**трусость**».

Способность «быстро передвигаться», отраженная в таких фразеологизмах, как: *Courir comme un chat maigre* — букв.: бежать как худой кот — русск.: бежать сломя голову, как сумасшедший: *Agile comme un chat* — букв.: проворный как кот — проворный, быстрый как белка; *Aller, (marcher) comme un chat maigre* — букв.: ходить как тощий кот — ходить быстро и легко, быть хорошим ходяком. Быстрота и легкость передвижения в языковом сознании французов часто связаны с образом худого кота. Характеристи-

ка «худой» является нередкой для французов: *Maigre comme un chat de gouttière* — букв.: худой как канализационный кот, очень худой — русск.: тощий как щепка, как спичка, как скелет, *кожа да кости*. Отметим, что эта характеристика является национально-специфической особенностью для французского зоонима «**Chat-Chatte**». Сравните в русском: *Бегать, метаться как угорелая кошка* — имеет иное значение, чем во французском — бегать в исступлении. В кабардино-черкесском языковом сознании *Джэду клуэкIэ* (каб.-черкес. букв.: идет как кошка) — манера ходить как кошка, ассоциируется скорее с лукавством в подходе к делу, а не с физическим способом передвижения.

У представителя русского лингвокультурного сообщества, когда он слышит выражение: *Она настоящая кошка*, в сознании возникает образ **опасной**, но в то же время притягательной женщины, своего рода изящной хищницы, обладательницы гибкой фигуры и плавных движений, одним словом, этот образ будет близок к образу женщины-вамп, роковой красавицы, отчасти со стержневым характером. Отмеченные выше характеристики **неуживчивости, спесивости, хитрости, лукавности** подводят нас к «кошке» как образу, хранящему **опасность**: *Кошку против шерсти не гладь* (не играй, с огнем). *Не играй, мышка, с кошкой — задавит* (не играй с огнем). *Играть в кошки-мышки с кем-нибудь* (хитрить, лукавить, стараясь провести). *Лукав как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет*. Такое же предупреждение и в адыгской языковой картине мира «*Джэду щысу псысэ жумы Iэ*» (каб.-черкес.:) — букв.: в присутствии кошки не рассказывай сказки — **будь осторожен, будь бдителен**. *Кошачья лапка мягкая, да коготок остер* (русс.) — несоответствие внешних и внутренних качеств, хранящих опасность обнаруживается как в русском языковом сознании, так и во французском: *La patte du chat* — букв.: кошачья лапка -*мягко стелит, да жестко спит*, что передает универсальную сущность несоответствия

внешнего облика и внутреннего содержания — **противоречивость**.

В русском языковом сознании, наряду с образом женщины-вамп, существует противоположный — образ худой, изможденной женщины: *Драная кошка*. Эта последняя характеристика отражена и французском языковом сознании: *Chat écorché* — букв.: кот с содранной кожей — замухрышка. О невзрачном человеке кабардинцы говорят *Джэду лъэбжьанэ* — букв.: кошачий коготь, а также «*Джэду гъэпск Iа*» — букв.: кошка, которую искупали и реже встречается «*джэд гъэпск Iа*» — букв.: курица искупанная — русск.: мокрая курица. Противоречивость французского образа кошки проявляется в существовании таких взаимоисключающих характеристик, как вышеописанные быстрый, проворный и ленивый: *Chat gros dormeur, mauvais chat* — букв.: толстый спящий кот — плохой кот, русск.: лежебока; *Chat emmitouflé ne prit jamais de souris* букв.: свернутый кот никогда не поймает мышь; сравните в русском: *Ленивой кошке мышей не поймать*, а в кабардино-черкесском «*джэду гъэпц Iэун*» — букв.: заставить мяукать кошку — говорят о лентяе и бездельнике. Характеристика «**ленивый**» является универсальной в сравниваемых языках.

Все три сопоставляемые лингвокультуры предупреждают нас, что против природы, против судьбы не пойдешь: *Qui naquit chat court après les souris* — (фр.) букв.: кто родился кошкой — бегаёт за мышами. Русск.: *кто волком родился, тому лисой не быть*. *Джэду и къуэ дзыгъуацэщ* — букв.: сын кошки становится охотником за мышами. Русск.: яблочко от яблони недалеко падает. *Les chats ont la vie dure* (букв.: у котов длинная жизнь) и в русском *Кошки живут. Живуч как кошка*. «*Джэдум хуэдэу, псэ быдэщ*» (каб.-черкес.) — букв.: как у кошки, крепкое сердце (душа). *Джэдум псибл Iутиц* — букв.: у кошки семь душ (сердец) — чтобы кошку умертвить, нужно будет семикратно ее убить. В самом деле, для нас живучесть является неотъемлемой характери-

стикой кошки, которую мы легко переносим на человека. Подобной характеристикой можно считать также способность видеть в темноте: *Глаза как у кошки*. Во французском же языке, помимо указанной внутренней характеристики, есть и внешняя, описывающая цвет глаз: *Avoir les yeux de chat* — букв.: иметь кошачьи глаза — 1) иметь зеленовато-серые глаза, 2) хорошо видеть в темноте. О девушке с зелеными глазами, русские говорят: «*У нее глаза как у кошки*». *Джэдуунэ* (каб.-черкес.) — букв.: кошачьи глаза — несет негативную характеристику — прямой, наглый взгляд. «*Джэдуунэ хъэнэкъитхъ*» (каб.-черкес.) — букв.: человек с кошачьими глазами, вырывающий собачьи глаза — говорят о наглom человеке, пройдохе. Когда кабардинцы говорят: «*Джэду хуэдэу, и нэр еуф Iыц*» — букв.: как кошка, глаза жмурит, то это означает «притворяется», делает вид, что это его не касается. А также «**притворщика**» называют «*джэду хъэжы*» букв.: кошка — хаджа. *Джэду хъэжы* имеет свой нарратив: кошка объявила, что совершила паломничество, стала хаджи и теперь не ест мышей. Доверчивые мыши становятся ее жертвой. «**Притворство**» характера передает и «*джэду жьэгъуху*» (*зецл*) — букв.: прикидывается кошкой — белошейкой. Русск.: прикидываться невинной овечкой.

Характер говорения был отмечен французским и русским лингвокультурными сообществами: *Manger de la bouillie de chat* — букв.: есть кошачью кашу, стряпню — означает иметь кашу во рту, говорить нечетко. *Тянуть кота за хвост* значит говорить нудно и медленно, не уметь или не желать быстро сказать главное. Во французском языке образ «**Chat-Chatte**» ассоциируется с некрасивым, неразборчивым почерком, с каракулями: *Ecrire comme un chat* — букв.: писать как кот — писать неразборчиво. Фразеология русского языка тоже отражает некрасивость почерка, но использует для этого не кота, а курицу: *Писать как курица лапой*. В кабардино-черкесском «*Джэд лъэбжьанэкIэ къыратхъа хуэдэщ*» — букв.:

как будто куриными когтями нацарапали — неразборчивый, неаккуратный почерк. Приведем другие примеры, отражающие национально-специфическое видение мира французами: *Jeter un chat aux jambes de qn* — букв.: бросить кота под чьи-либо ноги — подвести кого-либо — русск.: *подложить кому-либо свинью*; *Propre comme un écuelle à chat* — букв.: чистый как кошачья миска — о нечистоплотном человеке — русск.: *грязный как свинья*. *Ingrat comme les chats* — букв.: неблагодарный как коты — в высшей степени неблагодарный. *Appeler un chat un chat* — букв.: называть кота котом — называть вещи своими именами. *Emporter le chat* — букв.: взять с собой кота — улизнуть, смыться, переехать. *Payer en chat et un rats* — букв.: платить котом и крысами — платить пустяками. *Pas la queue d'un chat* — букв.: даже хвоста кошки — ни одной живой души. *Eveiller le chat qui dort* — букв.: разбудить кота, который спит — возобновить старую ссору. *Il n'y avait que le chat* — букв.: был только кот — свидетелей не было. *Il n'y a pas de quoi fouetter un chat* — букв.: нет из-за чего хлестать кота — это выеденного яйца не стоит.

В русском языковом сознании мы находим глагол «*Мурлыкать*» — как проявление хорошего настроения и расположения или «говорить тихо и вкрадчиво»; «*Как кот наплакал*» — малое количество, очень мало; «*Кошки на сердце (на душе) скребут*» — беспокойство, тревога; «*Черная кошка*» — неприятность, неудача, невезение; а во французской лингвокультуре, напротив — удача, везение.

Мы находим своеобразное отражение образа кошки в кабардино-черкесском языке: *Джэду мацэ ихуащ* — букв.: кошка попала в яму — т. е. попасть в западню. *Джэду зылъэмы Iэс лым цхэк Iэ «мэ щоу» же Iэ* — букв.: недостижимое, высоко висящее мясо кошка называет дурно пахнущим — недостижимый результат, недостижимое. Русск.: руки коротки. *Джэдум и цхьэр зэрык Iым инкэри йокI* — букв.: куда прошла голова кошки, туда и туловище пройдет —

следствие/ результат. Образ кошки в адыгской этнокультурной традиции обладает в целом негативной семантикой. Может быть в силу влияния мусульманской религии, которой придерживаются адыги (кабардино-черкесский язык). Хотя в Египте, стране с более давними мусульманскими традициями, кошка — магическое существо, посланница иной цивилизации, символ благополучия. Лишенная сакральной символики, «кот/кошка» является результатом практических наблюдений.

Пронаблюдаем еще за несколькими зоонимами. Что стоит, например, за образом мухи: **Mouche** — **Муха** — **Бадзэ: Mouche** (фр.) «**C'est une fine mouche**» — букв.: «Это тонкая муха». *Personne habile, rusée*. Человек ловкий, хитрый. Русск.: «Тонкая штучка, хитрая бестия». «**Faire la mouche du coche**» — букв.: «Гоняться за мухой в дилижансе». *C'est s'agiter beaucoup sans rendre de réels services*. Много суетиться, не оказывая дельных услуг. Русск.: Суетиться без толку, впустую. (во все вмешиваться). «**Enculeur de mouches**» — букв.: «любитель досаждать мухам» (арго) — придира, крючкотвор. **Муха** (русск.) — «Как муха» — надоедливый человек, навязчивый. «**Какая муха его укусила**» — резкое изменение настроения, с ним сделалось что-то непонятное, причина неизвестна. «**Под мухой**» — о мужчине в нетрезвом состоянии. «**Делать из мухи слона**» — сильно преувеличивать что-нибудь. «**Как мухи на мед**» — притягивать интерес, вызывать большой интерес, собираясь большими группами. «**Мухи не обидит**» — безобидный, чрезмерно мягкий, добродушный человек. «**Мрут как мухи**» — умирают в большом количестве и на протяжении продолжительного времени. «**Мухи дохнут (мрут)**» — невыносимо скучно, смертельная скука. «**Сонная муха**» — о человеке еле-еле делающем что-либо; о вялом, неторопливом человеке. «**Ловить мух**» — бездельничать. «**Муху проглотил**» — иметь недовольный, кислый вид. **Бадзэ** (каб.-черкес.). — **Бадзэпсэ** — букв.: «душа мухи» — слабый малодушный человек. **Бадзэ ещэн** —

букв.: «ловить мух» — бездельничать. **Бадзэ ещэу щысын** — букв.: «Сидя охотится за мухами». Русск.: «бить баклуши». **И щхъ бадзэ трихужыфыркъым** — букв.: «он не способен согнать муху со своей головы» — о беспомощном, безвольном человеке.

Oie — **Гусь-Къаз**: **Oie** (фр.) «**Oie**» — букв.: «Гусь». *Personne très sottе, naïse*. Очень глупый простоватый человек. Русск.: Дурень. Дурочка. «**Une oie blanche**» — букв.: «Белая гусыня» *Désigne plus particulièrement une jeune fille naïve, très innocente*. Обозначает молодую наивную, безобидную девушку. Русск.: Наивная девушка, простушка. «**Oison**» — букв.: «маленький гусь» — недалекий, очень ограниченный человек. Русск.: Набитый дурак, простофиля. **Гусь** (русс.) — «**Гусь! Хорош гусь**» — 1) плут, 2) чудака. «**Гусь лапчатый**» — хитрый, ловкий человек, лицемерный пройдоха. «**Как с гуся вода**» — безнаказанность, безразличие, все нипочем. «**Гусей дразнить**» — вызывать раздражение, злбу у кого-либо. **Къаз** (каб.-черкес.) — **Къазыхъу гъэгубжъын** — букв.: «разозлить гусака» — о человеке, провоцирующем мелкие ссоры. **Къаз дэхун** — букв.: «выгонять гусей» — 1) бездельничать; 2) попасть ни за что в переделку. **Къаз щхъэфлэч** — букв.: «отрывающий голову гуся» — о чело-

веке, который не мучается проблемами нравственности, не обременяет себя вопросами совести.

Зооморфный стереотип — образ отражает видение носителя национальной культуры, что, естественно, отражает качество сознания человека — носителя определенной культуры, обнаруживает богатую образную структуру и своеобразную антропоцентричность, которая передается из поколения в поколение. Анималистические единицы, которые являются предметом изучения, скорее подтверждают, нежели опровергают то, что многие тождественные или близкие факты материальной и духовной жизни народов получают в разных языках либо различное, либо близкое друг другу переосмысление. Следует настоятельно подчеркнуть мысль, что первоначальный диалог культур происходит в сознании бикультурного билингва, который, владея образами сознания своей и чужой культур, рефлексивен над различием этих образов. Сопоставительное изучение языков в лингвокультурологическом аспекте с целью выявления стоящих за ними знаний и представлений может стать, на наш взгляд, онтологией анализа языкового сознания (этнолингвокультурного сознания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Караулов Ю. Н.* Языковая личность. — М.: УРСС, 2004. — С. 176–177.
2. *Козлова Т. В.* Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. — М.: Издательство МГУ, 2003. — С. 192.